

Э. Симпсон

О мире и о войне.

**ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ
БАБУШКИ**

Симпсон Элизабет
О мире и о войне.
Воспоминания моей бабушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22060573

Аннотация

Воспоминания моей бабушки, прожившей почти весь 20-й век, целиком. Воспоминания записаны мной с ее слов и литературно обработаны. Представляют интерес для тех, кому небезразличен взгляд на события и дела "давно минувших дней" с точки зрения очевидца, а не из "недавно открытых архивов" и страниц учебников истории.

Автор: Элизабет Симпсон.

«О мире и о войне. Воспоминания моей бабушки».

Вступление.

Примерно 8 лет назад я решила отвлечь свою бабушку от всех ее печальных мыслей – разом и надолго. Прихватив с собой рабочий ноутбук, явилась к ней в гости, и решительно заявила: «Бабуля, сейчас я буду записывать твою жизнь! Давай, рассказывай всё, что помнишь!». А потом весь вечер стучала по клавишам, под неторопливый бабушкин монолог. И в следующий вечер – тоже... И в после-следующий... И в после-после... и...

Сейчас, пуская в плавание по волнам мировой паутины эти воспоминания (словно крохотную белую лодочку из рук – в мировой океан), я думаю и о своей бабушке, и о многих людях, чья жизнь засыпана, погребена в забвении под неумолимо опадающими листьями лет и многими, неведь чьи фантазии содержащими, пластами «литературных очерков о жизни Советского народа» и «данных, совсем недавно поднятых из архивов».

Мои миниатюры не претендуют на монументальность и эпохальность. Это – просто маленькие цветные стеклыш-

ки из общего калейдоскопа под названием «Как жили люди ТОГДА...»

P.S. Все, что написано прямой речью – практически, везде, сохранено так, как услышано от источника.

1. Дошкольное детство

Бабуля моя, Никонова Лидия Николаевна, появилась на свет на Украине, точнее – в Донбассе, маленьком шахтерском городке Кадиевка, 16 декабря 1920 года.

Всего в километре от жилой части городка, немного возвышаясь над ней, дымил трубами коксохимический завод. Построен он был в 1896 году, и к 1927-му году его оборудование было уже изрядно изношено, часто выходило из строя, что служило причиной многих аварий. В нормальном (судя по всему – весьма специфическом "нормальном") работающем состоянии Коксохим «привносил» изрядный букет своих «ароматов» в жизнь горожан. Но когда он загорелся – это зрелищное (а главное – весьма «обонятельное»!) событие стало незабываемым для всех, в том числе и для маленькой Лиды.

Во время пожара шестилетняя Лидочка и ее брат Шурик (старше Лиды на два года) сидели на крыше своего одноэтажного дома, и с замиранием сердца смотрели на высоко поднимающийся в небе столб дыма с языками пламени. Но страха катастрофы, панического страха от виденного не осталось, и только ужасающий запах горящей смолы прочно

осел в памяти на долгие, очень долгие годы...

В пять лет Лида впервые выехала из Кадиевки в Большой Мир – на поезде, со своей мамой и бабушкой. Направлялись они в Харьков*, к родне.

С самого начала поездки, маленькая Лидочка, как и все дети всех времен, стояла у окошка. Широко распахнутыми глазами смотрела на «пролетающие» мимо телеграфные столбы и поражённо восклицала: «Ух, как его кидает!». Потом, в досталь наудивлявшись – притомилась, спать захотела. Мама уложила ее на нижнюю полку, прилегла рядом, а на полке напротив устроилась уставшая бабушка.

Шифоньеров тогда в семье не было, и вещи складывали в сундуки или в большие плетеные корзины. И, уже засыпая, малышка сделала еще одно поразительное открытие, о чем сразу сообщила бабушке: «Бунечка, а мы с тобой в корзинке, что ли едем?!».

(Замечу, что почти через 50 лет после описываемого путешествия, четырехлетняя я, обнаружив, что едем мы с бабушкой в город Москву в плацкарте, а не купе, деловито осведомилась: «А почему не кабинет?», ибо та моя поездка была далеко не первой. Другое время, другие дети...)

И вот, переполненная открытиями и сопутствующими волнениями, маленькая Лидочка со своей бабушкой-Бунечкой и мамой прибыли в Харьков. Мама, бабушка и «принимающая сторона» – Лидочкина тётя Нюра, немного отдохнув с дороги, ушли (как тогда говорили) «в город» – прогуляться по магазинам. Малышку с собой не взяли, и она, предоставленная самой себе – как и любой ребенок в чужом доме – решила повнимательней осмотреться.

На веранде стоял стол. У бабушкиной семьи, как и у многих в то время и в тех местах (Украина, 1926 год) среди предметов мебели не значилось большого шкафа, торжественно именуемого французским словом «буфет». Посуду – тарелки, ложки, вилки, кастрюли и прочее – складывали в маленький шкафчик, что располагался прямо под столом (очень удобно, если не хранить там столовый сервиз на 12 персон, с супницей «инклюзив»!).

Обнаружив этот шкафчик, Лида, конечно же, его открыла, и сочла, что внутри – явный непорядок! Тут-то впервые и проявилась её хозяйственность, которая всегда вызывала во мне уважительное удивление, особенно когда я на своем опыте осознала – каким трудом это достается.

Итак, пятилетняя Лидочка «приняла меры» по устранению беспорядка. Вытащила всю посуду из шкафчика и перемыла ее. Обнаруженной весьма кстати газеткой застелила полочки. Аккуратно поставила всё обратно...

Можете себе представить, как умилялись старшие, вернувшись с прогулки!

У бабушки, с которой Лида ездила в Харьков (бабушки «с папиной стороны»), было звучное, величавое имя-отчество: Домна Ивановна. Но ласковое «Бунечка», придуманное любящими внуками, куда больше подходило к добродушному и мягкому характеру Домны Ивановны.

Почти полной противоположностью Бунечке была бабушка «с маминой стороны»: Стефанида, полячка – неулыб-

чивая, к детям строгая. Внучата её, в свою очередь, тоже не слишком любили, не слишком ласково звали: баба Стефча.

Временами «противоречие» между бабушкой и внуками переходило в микро– бунты со стороны малышни. Велит, например, маленькой Лидочке баба Стефча: "Сходи на улицу, к крану, принеси воды чайник, а то пить хочется!...". Внучка не спорит – идет послушно, чайник полный наберет, да, но... по дороге обратно так чайником размахивает, что, по меньшей мере, половина содержимого на дороге оказывается, а в самой посудине – чуть не на доньшке воды: нате, бабушка, получите-распишитесь! Ну, видимо, по заслугам и награда была...

Трудно себе представить, чтобы хозяйственность в таком возрасте – пять лет – зависела исключительно от собственных качеств ребёнка. Очевидно, что для этого детям нужен постоянный живой пример – к а к должен быть устроен порядок в доме. И у Лидочки этот пример – был, и, несомненно, он был очень хорош. То есть не он хорош, а она – мама.

... Её (маму моей бабушки, то есть мою прабабушку) звали Никонова Ирина Николаевна.

Она родилась под Варшавой в 1899 году, и была чисто «рабоче-крестьянского» происхождения. Правда, эта "чистота происхождения" была слегка «подпорчена» семейной легендой об одной бедной, но очень гордой польской графине, бежавшей со своим возлюбленным из отчего дома еще в 19-м веке.

Окончила Ирина только 4 класса.

Еще до учебы, в 10-летнем возрасте – уже прислуживала у богатых польских помещиков – смотрела за их детьми. Но однажды хозяйка решила ее наказать (вина девочки была очевидна!), для чего взялась за длинную ручку тяжелой сапожной щетки ... 10-летняя Ирина же в ответ отчаянно вцепилась в ручки только что закипевшего, исходившего горячим паром самовара: «Только троньте!... Самовар на Вас опрокину!...». Терпеть строптивую девчонку в приличном польском доме после этого не стали – со "службы" выгнали моментально...

После окончания «4-х летки», 15-летняя Ирина рабо-

тала в галантерейном магазине, продавщицей. Потом – сестрой милосердия, в госпитале (в 18 лет). Интересно, что есть две её фотографии того времени: на одной – кокетливо взирающая на зрителя загорелая пухлощекая девчонка в «бусиках», а на второй (к сожалению, очень плохо сохранившейся) – уже посерьезневшая девушка в белом, «форменном» головном уборе сестер милосердия. Всего два – три года разницы – а жизненный опыт (да еще какой!), видимо, уже преподал девочке, молодой девушке, свои непростые, горькие уроки.

Выйдя замуж и родив двоих детей, Ирина больше нигде не работала, так что Лидочка с детства наблюдала, как тщательно и аккуратно ведет мама их маленькое домашнее хозяйство. В доме всегда был порядок, хотя избыточной жилплощади не было (по современным меркам): на четырех человек – две маленьких комнаты. К тому же первая комната была проходной, там стояла плита (фактически, это была кухня), и окно из этой комнаты выходило на веранду. Вторая комната была «жилой», уже с окном на улицу.

Прабабушка моя (как и многие, волею судеб попавшие в те времена), прожила очень богатую на события жизнь.**

Но в те, относительно спокойные годы – конец 20-х – и до самой войны, для ее жизни (помимо ведения домашнего хозяйства) лучше всего подходят слова: была она любознательна, очень много читала.

Конечно же мне (как обожающей чтение, с раннего детства) было интересно – а что именно тогда читали, какие книги были популярными? Бабуля, старательно полистав странички своей памяти, назвала произведения Лидии Чарской, книжный авантюрно-уголовный «сериал» «Рокамболь», «Тайны мадридского двора»***... Вся эта литература, по листочкам, раздавалась для чтения, между соседками.

Хранились книги отнюдь не в авторитетных шкафах, но в старых сундуках, на чердаке – словно древние, таинственные сокровища.

«Читающие» соседки тоже остались у бабушки в памяти: Клавдия Година, у которой муж был «партийным боссом». Ната Зюлина, муж которой тоже был партработником (что совсем не мешало ей звонко, на весь двор, докладываться: «Ирина Николаевна, я уже всё прочитала!»). А еще была среди них воображала Дуся, у которой муж учился на милиционера. Моей бабуле она запомнилась как владелица комбинации «джерси», что было по тем временам просто фантастическим шиком. Чтобышний раз продемонстри-

ровать, на зависть окружающим, эту достаточно интимную часть туалета, сообразительная Дуся часто мочила свою шикарную комбинацию и, как бы после стирки, вывешивала во дворе сушиться, на всеобщее обозрение...

Вот так жили в 1926-м году, в одном из дворов Донбасса, рядом – и обычные женщины, и воображалы, и жены партийных «боссов»... Да что это я! Все они были обычными женщинами, обычными жёнами, обычными мамами...

Р. S. К сожалению, бабушкина первая фотография – только в 8 лет. Поэтому здесь на фото, из 1917 года: 18-летняя, будущая мама моей бабушки, Ирина Николаевна, и ее мама (а моя, соответственно, пра-прабабушка) Стефанида.

—

* Харьков с 1914 до 1934 года был столицей Украины,

** В жизни прабабушки были не только должность "гувернантки" в 10-летнем возрасте у польских помещиков, а в 15-летнем – работа продавщицы в галантерейном магази-

не, но и долгосрочное общение с одним из людей, оказавших влияние на нашу Историю. Один из 26 легендарных бакинских комиссаров (Степан Шаумян, чрезвычайный комиссар Кавказа) – в его семье Ирина жила некоторое время... И я уже не говорю о военных годах!... И всё это замешано в бесконечных сменах местожительства – и стран, и регионов...

Кроме того, прабабушка была очень умной женщиной (насколько я могу судить её письмам, сохранившимся в семейном архиве, написанным её рукой в уже глубоко пожилом возрасте, а также по воспоминаниям бабушки). В конце 70-х, прабабушка сама записала свои «мемуары» и отдала их одной из моих троюродных сестер. Та сдала эту бесценную семейную реликвию в школу, в качестве «домашнего задания», и... далее всё это благополучно потерялось. Вот об этом я очень сожалею, ибо сама была мала, чтоб сообразить потщательнее расспросить прабабушку о ее жизни, записать все подробности. Однако историю про «самоварный бунт» против зажиточной польской шляхты, и одну польскую песню я слышала много раз, непосредственно от прабабушки.

*** Насколько я понимаю, вся эта литература тогда именовалась "бульварной". Однако, Лидию Чарскую потом всё-таки "реабилитировали"! Я даже помню ее повесть, напечатанную в одном из детских\юношеских журналов конца 80-х годов...

2. Приключение в Бахчисарае

1927 год.

Лидочке было 6 лет, когда врачи обнаружили у ее мамы «затемнение в легких» и рекомендовали ехать в Крым, где «воздух – и тот целебный». К счастью (для семейного бюджета), в Крыму, в Бахчисарае, жили родные мамины сестры: старшая – бездетная и незамужняя, уже немолодая – Марина (у нее и остановились), Юлия – в расположенном неподалеку горном монастыре (христианском), и, также старше Ирины – Фрося (с мужем). Всего же у Лидочкиной мамы было 4 сестры: младшая, Варвара, проживала со своим супругом в Москве.

Фрося работала на почте, а муж ее – грек Христофор – был весьма известным в городе часовым мастером. Он был щедрым человеком, и сделал замечательные подарки "понаехавшей" родне: маленькой Лиде – крохотные сережки "с камушком", а Ирине – кулончик в виде золотого конвертика, в котором лежал серебряный листочек.

(Забегая вперед, скажу, что – увы! – сережки почти сразу сдали в Торгсин, выменяв на них продукты. Судьба кон-

вертика осталась для меня неизвестной, но ювелирных «семейных реликвий» на момент моего появления у нас точно не было :))

Прибывших родственников Фрося с мужем почти сразу пригласили в гости.

Бахчисарай в то время был типичным татарским городом, где на улицы смотрели лишь глухие, высокие стенки заборов, а сами дома был в глубине дворов. Идешь по улице: забор – ворота, забор – ворота, и всё одинаковое, без единого оконца. Не зная точного расположения, можно было запросто заплутать.

Пока взрослые вели свои долгие, скучные для маленькой девочки беседы, Лидочка играла во дворе: изучила обстановку, попрыгала на одной ножке... Но вскоре и это ей наскучило. Потихоньку, осторожненько, она выглянула из приоткрытых ворот, наружу ... Посмотрела в одну сторону, в другую... По улице люди разные ходят – всё интереснее для приезжей девочки, чем пустой двор да взрослые разговоры! Особое впечатление произвели на неё местные татарочки: у многих лица были наполовину скрытым платками.

И чтоб увидеть хоть чуточек побольше – девочка вышла за ворота.

Тем временем, дело шло к вечеру. И разумница Лидочка не стала отходить от ворот далеко – лишь на два шажочка!...

Через город протекала река Чурук-Су, делая климат в Бахчисарае более влажным, поэтому в прохладных местных подвалах частенько проживали весьма упитанные жабы.

Один из таких подвалов располагался и во дворе тети Фроси, рядом с калиткой. И только девочка собралась шагнуть обратно, во двор... Снизу, по подвальному ступенькам, споро выбралась огромная жаба, в несколько прыжков достигла калитки, и, уставившись на малышку, застыла – прямо посреди прохода! Как тут не вспомнить историю про Дюймовочку! Совершенно безобидная Жаба одним своим видом вызвала у ребёнка такой страх, что Лидочка на всю жизнь запомнила эти огромные, немигающие глаза амфибии, похожие на очки (и почему-то вызывающие ассоциации с водолазом – тоже, кстати, в своем роде, земноводным :)).

Как назло, калитка была узкая, и разминуться с жабой, явно чувствующей себя тут хозяйкой, было невозможно... Ну, раз нельзя идти вперед – значит, надо повернуть назад! И Лидочка решила вернуться к тете Марине, у которой они остановились (та в гости не пошла) . Девочка помнила, что шли они от дома тёти Марины совсем недолго. «Вот сейчас я за угол заверну, и будет та самая калитка!...» – рассуждала девочка. И вскоре уже заглядывала в почти знакомые ворота... Но нет, это была не та калитка! Потому что у тети Марины во дворе росла большая шелковица, а в этом... в и этом... и в этом дворе – тоже! – никакой шелковицы не было!...

Бегала-бегала бедная Лидочка, с учащенно бьющимся сердечком, по чужой улице – заглядывала во дворы, но никак не могла отыскать нужный! И вот уже совсем стемнело...

Неподалеку обнаружился подвал со ступенькой, в котором размещалась какая-то контора. Маленькая Лида примостилась на ступеньку и – терять уже было нечего! – заревела в голос.

К ней подошли две женщины: «Ты что, девочка, плачешь?» Лидочка, как могла, обстоятельно объяснила всю ситуацию. «Идем с нами! Сегодня переночуешь у нас, а завтра

найдем и твою тетю Фросю, и тетю Марину!». Однако девочка, хоть и сквозь слезы, но твердо сказала : «Нет! Ведите меня в милицию! Иначе с вами я никуда не пойду!». И женщины ушли ни с чем.

(Видимо, воспитание, связанное с правилами безопасности, в бабушкиной семье было на должном уровне – и я с полным правом могу сказать, что для меня это просто замечательно! В смысле – для моего наличия в этом мире...)

Не знаю, как сейчас, а в 1927 году люди в Бахчисарае жили добрые, душевные, и вскоре вокруг плачущей русской девочки собралась целая толпа. Местные жители спрашивали друг у друга и у зареванного ребенка – в чем дело, а узнав, наперебой звали малышку к себе, ночевать.

Но Лидочка упрямо стояла на своем, и требовала, чтоб ее отвели не домой к незнакомым людям, а прямиком в отделение милиции... И тут, на ее счастье (и, безусловно, на счастье окружающих), подошел настоящий милиционер. Девочка очень обстоятельно ему все рассказала – начиная от момента их приезда, и заканчивая перечислением всей местной родни, с указанием – кто где и кем работает... И только вот так, с милиционером за ручку, покинула общее собра-

ние.

Милиционер повел ее вдоль реки – на почту, где работала Фрося.

Внезапно навстречу им показалась процессия – тетя Фрося, ее муж, дядя Христофор – с пучком крапивы в руке, а за ними тетя Марина и мама.

При виде крапивы Лидочка уцепилась за дядю милиционера крепко-накрепко и приготовилась самозащитно рыдать еще горше, чем до этого, но таких мер не потребовалось. Ни у кого из взрослых не поднялась рука нахлестать крапивой бедного зарезанного ребенка. Зато уж запомнилось это приключение на всю жизнь...

В Бахчисарае мама и дочка пробыли все лето. За это время они несколько раз посещали тетю Юлю в ее монастыре. На девочку огромное впечатление произвели вырубленные в горе кельи, большие ворота, и огромные деревья внутри, за воротами, на территории монастыря. В кельи и другие помещения вели вырубленные в горе ступеньки. Внутри кельи тети Юли был только деревянный топчан, а окна не было совсем.

(Вспоминая об этом, я невольно задумываюсь: каким же огнем должна полыхать в человеке Вера, чтобы он смог добровольно пойти жить в такую вот «квартиру»?)

Лидочка с мамой побывали и на экскурсии по горе Чуфут-Кале, где жил татарский хан. Раньше там был город, и до сих пор сохранились остатки стен, булыжные мостовые, канавки для стока воды... В пещерах были вырублены комнаты, а окна выходили прямо в пропасть, куда, как гласила легенда, хан выбрасывал неверных жен... Экскурсанты посещали настоящий ханский дворец, осматривали помещение гарема, из которого Лидочке более всего запомнились россыпи подушек на полу, ковры, и очень яркий орнамент, с синим, красным, зеленым цветом – на всех предметах обстановки.

На территории дворца были и многочисленные постройки для прислуги. Экскурсанты так же внимательно их осматривали, под рассказы о тяжести дореволюционной жизни местного населения (от находившихся тут очевидцев).

Возле известного памятника Марии Потоцкой («Фонтана слез») экскурсовод читал проникновенные стихи Пуш-

кина, которые поэт посвятил этому месту («Фонтан любви, фонтан живой...»). Впечатление на Лидочку это произвело необычайное, и позже она с удовольствием открывала для себя все новые и новые произведения Александра Сергеевича, и многие его стихи помнила наизусть всю жизнь.

P.S. Дата у общей фотографии, к сожалению, отсутствует, зато здесь большинство главных действующие лица сей истории: в верхнем ряду: дядя Христофор и тетя Фрося. В нижнем – баба Стефча и тетя Марина, посредине – Лида. Кроме имен, никаких данных на фотографии нет, но я предполагаю, что примерно год 1931-й, и вряд ли Бахчисарай – скорее, Кадиевка, где собрались сестры с семьями у своей мамы.

А вот вторая фотография была найдена недавно, и здесь именно та девочка, которая бегала по Бахчисараю и требовала отвести ее в милицию... то есть шестилетняя Лидочка!

P.P.S. Мне сообщили, что в сентябре 1927 года, оказывается, было очень большое землетрясение в Крыму. Я же, несмотря на то, что действие моих рассказов происходят именно в этом регионе, никогда ни от кого из родных о нем не слышала. Этому есть вполне разумное объяснение*...

Но главное: вот живой пример, как можно, излагая историю, невзначай пропустить событие, наверняка изменившее жизни многих людей. И сколько таких "пропусков" при изложении событий прошлого века! Ведь так удобно, что очевидцев уже нет с нами, а новая поросль – абсолютное большинство – знают историю только с подачи популяризаторов (увы! не всегда порядочных, не всегда грамотных). Как просто управлять тракторкой "дел давно минувших дней" – в нашем, таком засыпанном информацией, и таком безграмотном 21-м веке...

...Вот такой вот неожиданной вывод из маленькой истории с маленькой девочкой получился!

*Лидочка с мамой побывали там до землетрясения, уехали домой до осени 1927 года, а потом Бахчисарай, согласно сведениям из интернета, сильно не пострадал – из-за особенностей своего географического расположения. Так что не пострадали ни тётя Фрося с мужем, ни тётя Марина. Что же касается горного монастыря, гораздо более уязвимого для природных катаклизмов – скорее всего, с тетей Юлей случилось несчастье, так как больше упоминаний о ней нет, и на этой фотографии ее нет тоже. Но маленькой Лидочке, видимо, по

каким-то причинам об этом не рассказывали, да, видимо, и взрослой – тоже...

3. Хозяйственная девочка

На фото: 8-летняя Лидочка с братом Шуриком, папой и мамой. 1929 год.

В 1929 году, как раз когда восьмилетняя Лида закончила 1-й класс – на залежах железной руды Камыш-Буруна, в городе Керчь, начали строить (точнее – отстраивать заново, после пожара) металлургический завод имени Войкова. Туда и переехала вся семья Никоновых. Папа Лиды получил работу машиниста на паровозе, который совершал рейсы внутри завода.

В заводском поселке вновь прибывшему семейству сразу выделили 2-х комнатную квартиру, причём, со всеми чудесами современного комфорта того времени: водопроводом (это была раковина) и паровым (а не печным!) отоплением. И кухней. И только туалет по-старинке находился на улице – все-таки это был 1929 год, так что до этой «части светлого будущего» в каждой квартире было еще ох как неблизко.

Дом был 2-х этажный, из белого крымского «ракушечника»*, который при добыче пилили на блоки, величиной примерно как 4 обычных кирпича.

Одновременно с заводом возвели и внедрили инфраструктуру для новых жителей – фабрику-кухню, пищевой комбинат, детские садики, школы.

Потом Лидочкиного папу назначили освобожденным секретарем партийной организации на заводе (в коммунистическую партию он вступил в 1924 году). На работу он добирался теперь дольше, 40 минут, на автобусе, так семья Нионовых сменила место жительства, и теперь проживала уже в центре Керчи.

Новая квартира тоже была 2-х комнатная, на втором этаже.

Но этот дом был старый. Ранее он принадлежал владельцу местной табачной фабрики, греку Мисаксуди. Грек построил этот дом для своих рабочих, не для себя. Видимо, поэтому ни о каком водопроводе речи не было, и за водой приходилось ходить к общественному крану – метров 500. А всего на всю улицу (Советскую) было два крана. Помои также выливались на улицу, и туалет был на улице, а отопление – печное. Зато комнаты были красивые, с высокими потолками, а потолки – с барельефом. И печка была обложена белым кафелем.

На 6 квартир была одна общая веранда (терраса). Фактически – это была обычная коммуналка, как их показывают в кинофильмах, только с коридором на свежем воздухе.

У каждой двери стояла табуретка или ящик, где и готовили еду в летнее время, так что все соседи были в курсе – в какой семье кто и что варит.

Там и жили до самой войны. И там же Лида варила свой первый в жизни томат (томатную пасту-соус). А получилось это так.

Семья Лидочки (из-за папиной работы) была прикреплена к магазину партактива, где выдавали продукты и промтовары по норме (по талонам) – крупы, сахар и ткани (в основном – ситец). Однажды выдали по 2 ведра помидор. Мама была в то время в санатории, в Одессе – лечила больные сердце и легкие. И, хотя Лиде было всего 10 лет, посоветовавшись с хозяйками-соседками, она практически совершенно самостоятельно сварила из выданных овощей «томат», томатную пасту. И этот «первый блин» вышел отнюдь не комом!

Был и еще один, очень памятный для всей семьи, случай, когда Лидочка проявила самостоятельность и инициативу. Папа с мамой уехали в отпуск, посчитав, что сын и дочка уже достаточно взрослые, да и соседи рядом... ну что может случиться? Некоторую сумму хозяйственной девочке оставили на покупку продуктов и прочее. Безусловно, взрослые все равно волновались – как дети будут одни, не потратят ли деньги на всякую ерунду, будут ли держать их в надежном месте, чтоб не воспользовались нечестные люди... Разумница дочка же, пристроив деньги по своему усмотрению, и справедливо рассудив, что родители должны иметь полную информацию, послала им вдогонку телеграмму: «Папа, не волнуйся, я деньги спрятала в диван!».

Вот такая была взрослая, хозяйственная девочка :)

—

* крымский ракушечник: камень с солидным возрастом породы – более 550 млн лет в основе которого раковины-панцири морских обитателей

4. «Шмоточные» вопросы

На фото: Лида в 7 классе, 1934-1935 год.

После переезда всей семьи в Керчь (1929 год), Лидочкина мама почти сразу устроилась на работу – в школу, деловодом (так раньше называли делопроизводителей). В её обязанности входило также «доставать» школьникам ботинки, а потом бесплатно распределять их нуждающимся. При такой (как показалось бы кому-то в наши дни – "прибыльной") работе, собственному сыну бесплатных ботинок она и не думала «распределить», поскольку считала что их семья живет лучше прочих.

Некоторое время она проработала в школе, но потом выяснилось, что для семейного бюджета гораздо лучше, если мама – неработающая домохозяйка, поскольку в домашнем хозяйстве, как и по всей стране, нужна была строжайшая, требующая разумного подхода, экономия. Кроме того, врачи обнаружили у неё полиартрит, так что, в конце концов, муж настоял на увольнении, то есть на "перевode" супруги обратно, в "домработницы".

А что вообще носили в конце 20-х годов прошлого века школьники в городе Керчь, в чём бегали во дворе, ходили по улице, в школу...?

Летом у детей обуви, как правило, не было вообще. Один раз маленькой Лидочке купили «плетенки» из мягкой соломы. Но их тоненькие, хлипкие подошвы совсем протерлись за несколько летних недель...

Первые более-менее приличные туфли появились у девочки во втором классе. Так называемые «торгсинки», больше напоминающие кеды – тряпочные туфельки с резиновой подошвой, белые, с голубым кантиком по краю, с перемычкой и прямой подошвой, надеваемые по особым случаям. "Хозяйственная девочка" изо всех сил берегла их, начищала зубным порошком – дабы сохранить их первозданную белизну. Но детские ножки так быстро вырастают из любой, даже тщательно оберегаемой обуви...

Первые "настоящие" туфли: купили в 6 классе, в Москве, куда Лида приехала в гости к самой младшей из сестер своей мамы. Туфельки были без всяких признаков каблука, светло-коричневатые, с перемычкой, из кожи или кожзаменителя.

Первое пальто: из коверкота, светло-коричневое, досталось Лидочке только в 9 классе. Для этого они с мамой

несколько ночей стояли, отмечались в очереди в «швейпром» (мастерская по пошиву). В нем же 20-летняя Лида и поехала в эвакуацию осенью 1941 года. Зимнего пальто у неё не было совсем.

Первая крепдешиновая кофточка, белая: пошили на выпускной вечер. До этого девочка ходила только в скромненьких, ситцевых блузочках. Младшая мамина сестра передавала родным свои старые платья, а мама перешивала эти платья в кофточки, да и вообще все шила сама, так как готовой одежды не продавали*. Лиде же приходилось только вышивать воротнички, что, впрочем, она делала с удовольствием**. Школьной формы, в современном понятии, тоже не было.

Пальто Лидочкиного папы, хоть он и был партработником, тоже бесконечно перелицовывалось, так как пошить новое не было материальной возможности.

P.S. Всё вышеперечисленное в этой главе вспоминалось исключительно по моей просьбе – настолько эти «шмоточные» вопросы были мелки и незначительны в той жизни, что сами по себе в памяти никак не всплывали, в отличие от....

* Честно сказать, в 20-й раз посмотрев на фото к части 7, я обратила внимание на то, что у трех девочек из пяти абсолютно одинаковые свитерочки(не представляю такую ситуацию сейчас!), что означает, что готовая одежда все-таки была. Понятно, что если они пошли фотографироваться в одинаковом – значит, её было так мало, что одно наличие в гардеробе позволяло вообще не принимать во внимание, что на подружках надето точно такое же изделие. Возможно, это такая же, как и ботинки, "распределенная" одежда. Или к концу 1937 года снабжение города всё-таки начало улучшаться...

** Вышивание было бабулиным хобби в течение долгого времени, а слова «ришелье», «мулине», и с особым тщанием украшенные, маленькие наволочки и салфеточки остались мне на память.

5. Керчь. Дела сердечные

На фото: Лида в августе 1935 года, между 7 и 8 классом.

Город расположился у самого Керченского пролива, на Керченском полуострове, и в хорошую погоду, стоя на берегу, всегда можно было разглядеть противоположный берег, Кавказский – Тамань.

В 30-х годах прошлого века Керчь делилась на 4 района: Горка (на склонах сердца Керчи – горы Митридат), Солянка (где находился судоремонтный завод), Корецкий хутор (переходил в деревню) и Центр (где и жила семья Лиды).

Весной все школьники бегали на Митридат, а когда начинали цвести тюльпаны – отправлялись пешком через степь и доходили до Азовского моря (Керчь стоит на полуострове, разделяющем Черное и Азовское море).

Через Керченский пролив ходили паромы на Кавказский берег.

Там, в Темрюке, был Лидочкин пионерский лагерь, куда она поехала после 3-го класса (кстати, проводывать

ее приезжал только папа). От этого периода жизни навсегда остались в памяти обширные виноградники, полные янтарно-желтым виноградом.

В лагере Лида впервые стала свидетелем настоящей трагедии: паренёк постарше повис на дереве и зацепил сучком артерию. Девочка отчетливо видела, как с локтевой ямки у него фонтаном забила кровь. Хорошо, что вовремя подросла медсестра: сразу, профессионально, наложила жгут и отправила пострадавшего в больницу.

С наступлением весны, на зеленых склонах Митридата разворачивалось еще одно ежегодное, традиционное действо: устраивались кулачные бои («стенка на стенку»). Начинали их дети (в качестве разрешения споров за территорию, за район), чуть не первоклассники, а заканчивали взрослые бородачи. На эти бои ходили смотреть все, кто не участвовал: кричали, «болели» по-настоящему, как на футболе.

Вечером все – «и стар и млад» – выходили на улицу.

Но появляться на чужой территории (районе) никому не рекомендовалось.

Первый поклонник у Лидочки появился в 6 классе (я думаю, что новые, «всамделишные» туфли сыграли не последнюю роль!:) – Володя, друг брата Шурика, старше Лиды на год (в "его честь" через 7 лет будет назван её первенец).

«Ухаживание» заключалось в том, что они вместе играли в мяч и классы, стояли – разговаривали, и даже подтягивались на воротах своих домов*!

Тем временем и в школе на Лиду тоже «положили глаз» – мальчик Алёша, живший в другом районе – на Солянке. И вскоре, под предлогом «А, так ты с другого района!» Володю на Солянке изрядно поколотили.

Лидочка, крайне напуганная таким поворотом событий, стала общаться с Алешей. Как настоящий кавалер, он пригласил её покататься «на лодочке». Лодки для катания были на специальной водной станции, на бульваре (который потом превратился в Парк Культуры и Отдыха).

Однако помня о хулиганском характере Алёши, девочка поставила ему условие: «Кататься – только вместе с моей мамой!», и, как ни странно, Алёша согласился. Он сам взял на час лодку, заплатил, да еще и сам греб, а Лида с мамой

сидели в лодке, как настоящие дамы. Но то ли мальчик испугался, что теперь на каждом их "свидании" будет присутствовать суровая мама, то ли была еще причина... в общем, никакого продолжения у этих "отношений" так и не получилось.

Вот такие романы среднего школьного возраста были в конце 20-х годов прошлого века :).

—

* Я все-таки думаю, что на воротах подтягивались только мальчишки :)

6. «Учебная» диета. Куда пойти учиться?

На фото: 30.10.1937 года, 10-класснице Лиде 16 лет, пора бы уже точно определиться с выбором пути в дальнейшей жизни...

Когда Лида училась в 10-м классе (1938 г), в Керчи появились первые магазины типа «Гастроном», в которых продавались совершенно немыслимые продукты: сыр «Голландский» и ветчина. Мама покупала сыр по 100 г – и только для дочки, поскольку та готовилась к экзаменам: и выпускным, в школе – и вступительным, в институте.

Вот относительно института мнения Лиды и ее мамы сильно расходились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.